

Ю.М. РЕЗНИК, О.Н. АСТАФЬЕВА

ЖИЗНЬ В НАСТОЯЩЕМ И НАСТОЯЩЕЕ В ЖИЗНИ (В ПОРЯДКЕ ДИАЛОГА; Москва, 5-6 мая 2011 г.)

Юрий Михайлович Резник: Ольга Николаевна! Каждый раз я откладываю интервью с Вами, поскольку нам не удастся встретиться, хотя бы на несколько часов, и поговорить спокойно. Вы все время спешите куда-то, а я не могу предложить удачное время для беседы. Перед очередной встречей мне не хватает времени, чтобы собраться с мыслями и настроиться на диалог с Вами. Вот так и получается, что время идет, а мы всё не найдем с Вами подходящей ситуации, чтобы обменяться мнениями. Однако факт публикации этого диалога-интервью свидетельствует о том, что мы с Вами, наконец-то, встретились и поговорили... Мне даже самому интересно, о чем же пойдет наш разговор.

Сразу же сообщу, что сегодня я отвожу Вам особую роль — роль эксперта, за плечами которого имеются немалый научный багаж и большой жизненный опыт. Кому, как не Вам, по силам ответить на мои вопросы, а при желании задать свои.

Хочу предложить для сегодняшней беседы две взаимосвязанные темы, которые волнуют лично меня и, надеюсь, покажутся интересными и Вам: «Жизнь в настоящем» и «Настоящее в жизни». При этом настоящим в первом случае будем считать то, что происходит с нами сегодня, в ситуации «здесь-и-теперь». С проблемой же настоящего в жизни нам еще предстоит разобраться. Отмечу только, что в данном случае под настоящим я понимаю подлинное, аутентичное существование человека, соответствующее его истинному предназначению. Хотя здесь может возникнуть вопрос: а кто устанавливает критерии отнесения человеческой жизни к настоящей или ненастоящей? Он сам, кто-то другой (другие) или Бог? Насколько Вам интересно обсуждение этих вопросов? Может быть, я тороплю события или ставлю вопросы прямо «в лоб». У Вас есть возможность выбрать свой вариант общения и немного скорректировать ответы на мои вопросы.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Астафьева Ольга Николаевна — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующая сектором Российского института культурологии (Москва). E-mail: onastafieva@mail.ru.

Ольга Николаевна Астафьева: Юрий Михайлович, я тоже очень рада нашей встрече, даже несколько волнуюсь, поскольку чувствовать себя в ситуации «один на один» с Вами весьма непривычно. Давайте договоримся, у нас уже сложились определенные отношения — уважительные и дружески-партнерские (замечу, лишённые какой-либо фамильярности), поэтому раз уж Вы взяли на себя инициативу по выбору обсуждаемых вопросов, то я позволю себе проявить небольшую вольность, и если мне что-то будет непонятно из Ваших вопросов, я их просто пропущу. И прошу Вас не выстраивать на этот счет никаких догадок.

Во-первых, нельзя сказать, что в потоке событий, которыми заполнена наша с Вами жизнь, мы встречаемся редко. Напротив, если оценить динамику наших отношений в течение 15 лет, прошедших с момента первой встречи, и включить в нее параметр изменения отношения ко времени в российском обществе, то окажется, что и по частоте, и по продолжительности мы вообще никогда с Вами и не расставались. Да-да, мы пересекаемся в общих локусах единого пространства/времени.

Кроме того, для меня наши отношения и встречи вовсе не мимолетны, как может подумать наш читатель из представленного Вами образа «вечно спешащей женщины», которым Вы предварили Ваш первый вопрос. Вспомните, как «мимолетность» определяется Э. Тоффлером? Увиделись два человека, кивнули, обменялись фразами, прошли рядом, «дежурно» улынулись — вот и все общение. Это не про нас с Вами, не так ли? При всей безумной занятости наши отношения (думаю, что не ошибаюсь) выстроены иначе, поскольку общение наполнено общими смыслами и научными интересами (на двух общих площадках — в журнале «Личность. Культура. Общество» и в Российском институте культурологии). При этом, замечу, каждый из нас «охраняет» свое личностное пространство, ведет собственную деловую линию, имеет разных друзей. В конечном счете, по-разному видит мир и строит свои отношения в нем.

Поэтому, во-вторых, те, кто не знает о нашей совместной деятельности, тот может и не заметить наших тесных взаимоотношений — мы почти не общаемся в свободное время. Одновременно лично меня не покидает ощущение «чувства локтя», надежности и уверенности в том, что предательства наших интересов мы не допустим. Ну а противоречия, легкие столкновения и возникающие проблемы вполне естественны и разрешаются, согласитесь, спокойно, по-деловому, а частенько и откровенно по-дружески.

По моему мнению, взаимное доверие возникает и поддерживается не только в процессе непосредственного общения с человеком, это может происходить и как-то иначе — через принятие «Другого» в свой внутренний мир, через включенность личности «Другого» в твое жизненное пространство. Не потому ли мы чувствуем присутствие близких по духу людей, даже если мы не столь часто с ними пересекаемся в реальности, как нам хотелось бы? Мы начинаем осознавать потребность встреч (весьма редких, в силу большой занятости и событийности нашей московской жизни), ибо существуют незримые нити, связывающие нас. И когда понимаешь, что начинаешь воспринимать конкретного человека через понятие «Мы», то и общение с ним наполняется глубокими смыслами и яркими чувствами. Этими встречи сохраняются в нашей памяти на долгие годы, а мелькающие фрагменты, заполняющие нашу обыденность, чаще всего становятся фоном, как бы «отфильтровываясь» временем

перемещаются из актуальной памяти в ее запасники. Но могли ли мы знать это? А если бы знали, то поступали бы более рационально? Неужели эта «фоновая» часть нашей жизни была не настоящей? На мой взгляд, нет, поскольку жизнь сама по себе самоценна.

Поэтому не столько по причине отсутствия времени, Юрий Михайлович, нам некогда было поговорить, а скорее потому, что наши встречи всегда проходят на людях и, как правило, — для людей. Связующая же нас нить существует уже помимо нашей воли...

Теперь о другой теме, которую Вы затронули в своих вопросах, — о предназначении человека.

На мой взгляд, если все время удерживать в своем сознании «истинное предназначение», вероятно, подлинную жизнь можно и не заметить. Конечно, есть у меня идеи, которыми пронизана вся моя жизнь и которые, несомненно, повлияли на выбор жизненной стратегии. Но замахнуться, скажем, «на служение людям» и заявить, что это единственно аутентичная моей природе форма существования, я даже и в мыслях своих не могу. Как иронично написал мой друг, замечательный «поэт-чиновник» (это его собственное определение) Юра Годованец, такая планка, рождает усталость, ведь она *«так высока, что ее даже птица не сбросит, даже если с шестом — только кепка рискует упасть»*. По такой высокой планке — бесконечный процесс возвышения, согласно осознанному исполнению особой миссии, признаюсь, я свою жизнь не могу измерить. Да и кто знает, когда (можно и нужно ли) подводить итоги, говорить о предназначении? Или уверять себя в этом. Уверена, пожалуй, только в том, что люди, с которыми мы образуем сообщества (на разных основаниях) в моей жизни значат очень многое.

Так все-таки какая же тогда моя настоящая жизнь, это «сущее»? И в чем мое истинное предназначение — сфера «должного»? Вот центральные вопросы, на которые мы с вами пытаемся найти ответы. Не берусь утверждать, что знаю их. Однако не буду скрывать, что задумывалась над ними не раз, поскольку меня никогда не покидает внутреннее ощущение *долженствования*. И это касается разных аспектов — нравственных и духовных, связанных с моим саморазвитием, культурными запросами и профессиональными интересами (научными и педагогическими), проявляется не только в знаковых событиях моей жизни, но и в конкретных, малозначимых для себя лично, делах, вероятно, имеющих большое значение для других людей. Это идея «долженствования» подталкивает на поступки, воспринимаемые со стороны как безрассудное жертвоприношение, она же и рождает чувство «вины» перед теми, кому хотела бы, но не смогла помочь. Иногда оно перерастает у меня в болезненное состояние отчаяния. Его мне удается заглушить включением в новую, интересную работу, которую, как считают мои друзья, я сама для себе и нахожу... Может быть отсюда моя обостренная реакция на избалованных жизнью и роскошью людей, на циничные замечания по поводу некоторых моих знакомых — не очень успешных людей, по мнению тех, кто достиг социальных высот и признания, богат и «допущен» к потреблению символов престижности и пр. Похожее чувство неловкости и стыда испытываю я тогда, когда в моем присутствии вдруг кто-то берет на себя право поучать других, ведет себя вызывающе высокомерно и презрительно по отношению к менее значимым и менее признанным в обществе людям. Ничего не могу с собой поделать, но сочувствием проникаюсь к более слабому. Это отвечает моей внутренней потребности.

Вряд ли Вы ожидали от меня столь чрезмерной откровенности. Но своими вопросами Вы подталкиваете меня к саморефлексии, осмыслению того, насколько моя жизнь и моя жизненная стратегия истинны. Несомненно, что модель уже сложилась и центральная зона заполнена *потребностью в «Мы-сообществах»*, члены которых имеют для меня особую ценность, как, смею надеяться, и я для них. Во всяком случае, у нас есть общие интересы и потребности, цели и задачи, поэтому именно через *«Мы-сообщества»* многое удастся реализовать в жизни. Индивидуальному порой бывает тесно в «тисках» социального, но мое личностное начало не растворяется полностью в социальном. Я всегда ответственна за осуществление собственного выбора. С одной стороны, меня можно определить как человека «в редакции – “Да”», поскольку от меня легче получить согласие на участие в каком-то общем (новом, интересном, важном...) деле, чем услышать отрицательный ответ. Если и бывают отказы, то они, как правило, связаны с непреодолимыми, не от меня зависящими обстоятельствами. С другой стороны, такая позиция предопределяет сжатие пространства индивидуального, поскольку все коммуникации осуществляются за счет моего личного времени и ущемления собственных интересов и, соответственно, ограничения моего общения с близкими для меня людьми, образующих самое значимое для меня «Мы-сообщество» – мою семью.

По Вашей реакции, Юрий Михайлович, у меня складывается впечатление, что вы можете дать неточную интерпретацию сказанному. Позвольте в этой связи задать Вам уточняющий вопрос: неужели быть настоящей матерью, женой, дочерью, другом, педагогом, ученым – это лишь штрихи, дополняющие представление о нашем предназначении в жизни? Разве *Быть Человеком*, реализующим себя достойно во всех этих ипостасях, недостаточно для настоящей жизни?! Каждому ли из нас предназначение дается свыше? А может быть из этих «штрихов-ролей» и «статусов-портретов», в которые вложены наши души, складывается на протяжении всей жизни наше предназначение? Согласитесь, осознание *особой миссии* все-таки дается далеко не каждому, хотя с претензиями на «особость» нам с Вами, думаю, приходилось встречаться не раз.

Ю.М.: Не могу согласиться, Ольга Николаевна, с Вашим последним тезисом. Из этих «штрихов-ролей» и «статусов-портретов» складывается не наше предназначение, а видимость или кажимость настоящей жизни. При этом каждый из нас придумывает оправдание этому, полагая, что другого ему не дано. А это состояние «быть», которое Вы представляете как миссию, есть всего лишь уход от настоящего в мир иллюзий и грез или бегство от свободы. На мой взгляд, в человеке имеется столько настоящего, сколько в нем индивидуального и лично неповторимого. И социальное не может дать ему индульгенцию на все случаи жизни. Оно лишь дополняет его жизненную легенду разными «штрихами» и «статусами».

О.Н. Безусловно, иногда человек и сам не знает свой личностный потенциал. Но внутренней гармонии и целостности личности можно достичь, на мой взгляд, только в единстве индивидуального и социального. Разве самоактуализация личности не включает такие компоненты как реализация себя в избранной профессии, воплощение своих собственных желаний, умение принимать реальность такой какая она есть и при этом влиять на нее, самоактуализация в любви, наконец, в творческом отношении к жизни, в готовности к воспитанию своих детей – это «иллюзия» и «бегство от свободы»?

Как нам обустроить нашу собственную жизнь?

Ю.М.: *Перейдем теперь к обсуждению обустройства нашей повседневной жизни. Наверное, его можно описать в терминах «жизненный порядок», «благополучие», «стабильность». Эти термины фиксируют в себе некий устоявшийся и длящийся на протяжении многих лет порядок, в котором нет ничего лишнего, а только сосредоточено всё самое важное и значимое для нас. Это – размеренная последовательность ожидаемых или предполагаемых жизненных событий. Без такого порядка мы не сможем организовать свою жизнь, и будем бесконечно теряться в сомнениях и догадках.*

Ольга Николаевна! Как Вы представляете себе порядок собственной жизни? Попробуйте привести общую композицию своей повседневности – набор инвариантов текущей жизни. Какое место в Вашей повседневности занимают работа, семья, досуг, здоровье и т.д.? При этом я не предлагаю Вам устанавливать приоритеты между ними. Меня интересует то, как Вам удастся их совмещать, занимая активную жизненную позицию и сохраняя хорошую физическую форму и прекрасную внешность?

О.Н.: Юрий Михайлович, в последнее время меня об этом стали очень часто спрашивать. Наверное, я что-то не так делаю, не как все? Если серьезно, то, поверьте, я сама не перестаю удивляться тайне времени, поскольку, размышляя о событиях, которыми наполнена наша жизнь, и о длительных по своей протяженности периодах, переживаемых нами, понимаю, что сутки всегда составляет величина постоянная – всего 24 часа. Можно по-разному прожить это время, вставив в него и работу, и семью, и досуг. Но ведь все это заполняется еще и минутами счастья, радости, горести, обид, побед и поражений.

Ю.М.: *Вы здесь лукавите, Ольга Николаевна! Не обессудьте, но скажу прямо, может быть, излишне прямолинейно. Надеюсь на Ваше понимание и терпение. Мне кажется, что Вы придумываете себе очередную легенду, чтобы заполнить пустоту и придать смысл «жизни в суете». Вы находите себе занятия и складываете их в определенной последовательности, называя это управлением временем.*

О.Н.: Нет, говорю совершенно искренне. Когда я так думаю о времени, то полностью соглашаюсь с теми, кто определение времени как величину физическую относительно человеческой жизни считает упрощением. Для меня время не только может раздвигать свои жесткие рамки, накладываться какими-то фрагментами друг на друга, но и создавать удивительные, сложнейшие переплетения пространств. Вероятно, «благодаря и вопреки» времени мне удастся действовать нелинейно – думать, говорить, оценивать, делать, радоваться, любить, печалиться... Время одновременно мешает и помогает мне. Но не думайте, Юрий Михайлович, что я замаяхнулась на «управление временем», нет, самореализация естественно предполагает процесс самоорганизации в социокультурном пространстве.

Однажды, находясь в кругу друзей В.И. Аршинова, я услышала интересные размышления физиков о «параллельных мирах», «нелинейности времени», «складках времени» и пр. И моя ироничная позиция несколько пошатнулась, ведь то, что непостижимо для моего собственного понимания, или не вписывается в мою научную картину мира, не может означать полного отрицания и (или) навязывания мне какой-то иной точки зрения. Как сказал бы наш коллега профессор П.К. Гречко, «вы открыты для постижения множества истин». Соглашусь с ним в том, что сегодня не все может быть подкреплено (или опровергнуто) наукой, не всегда объясняется че-

рез принципы рациональной логики, что-то срабатывает и на уровне иррационального интуитивного начала. Отсюда — уважительное и внимательное отношение к тем идеям, которые зачастую прокладывают дорожку в стороне от магистральных путей.

Возвращаясь к структуре повседневности, замечу — инвариантов каждого дня у меня не очень много, как это может показаться на первый взгляд. Ядро составляют четыре сегмента — семья, работа, досуг, друзья. Это — то постоянное, что остается неизменным, несмотря на динамику и открытость к переменам в моем образе жизни. Признаюсь, зависимость моей повседневности от этих контекстов велика: она смещает на какое-то время приоритеты и доминанты, усложняет структуру постоянных базовых сегментов и их взаимозависимость. Отсюда — *событийная, но не ценностно-смысловая* инвариантность, основанная на сочетании постоянства и неминуемых изменений, разрывов и сжатий социокультурного пространства, накопления своих и чужих проблем и их преодоление. Это только верхний слой, который виден со стороны. А глубже — это общение со своими (и не своими) аспирантами и сосредоточенность на конкретных научных проблемах, это — организационная работа и разработка новых материалов и презентаций для лекций, это — встреча с друзьями и посещение театральных спектаклей, это — редакторская работа и подготовка выступлений для очередной поездки в какой-нибудь регион нашей огромной страны (в последнее время — и в зарубежные страны). Одним словом — моя Жизнь, полная риска, как Вы правильно замечаете, не заметить самого главного, утратить основное. Но эта мысль о главном удерживается на подсознании как императив, хотя в реальности самовыстраивается процесс, складывающийся из событий не только «первого плана» и «второго плана», но и из множества внутренне связанных неприметных сюжетов, разворачивающихся при моем прямом или косвенном участии в них.

Замечу, только такая и может быть моя настоящая жизнь. Наверное, по стандартным меркам уж очень она динамичная (со стороны, вероятно, даже суетливая), требующая огромных физических, душевных и эмоциональных затрат. Для кого-то (скажем, эгоцентричного) такая жизнь «не для себя» рассматривается как «неавтономная» и даже «зря прожитая». Наверное, это иная крайность, в равной степени имеющая право на существование. У меня же иное понимание: обыденность, лень и скука — вот что обеспечивает «скольжение по поверхности» жизни, поскольку позволяет человеку оправдать свое нежелание углубляться в «чужие» проблемы, тратить время на других, то есть не замечать ускользающих мгновений. Я не осуждаю людей, чей эгоцентризм порой зашкаливает подобно моей социальности. Такие люди для науки (если талантливы) делают многое, а если их способности не столь и очевидны, все равно успевают многое, поскольку для достижения собственных целей не жалеют ни времени ни сил. Поэтому мне ценен, Юрий Михайлович, Ваш придирчивый взгляд со стороны. Может быть что-то и не соответствует Вашим ожиданиям, но моя повседневность действительно заполнена множеством дел и целей, скрепленных массой обязательств, собственных желаний и потребностей, только почему-то Вы несколько язвительно определяете ее как «жизнь в суете». Да, дел у меня всегда больше, чем возможностей. Я это осознаю. Но комфортное существование — это не для меня. Так я думаю, когда уже глубокой ночью, когда завершаю обязательную ежедневную трехчасовую работу над своими статьями, материалами, редактированием чужих текстов. Как многое мне бывает еще нужно доделать, поскольку

из результатов дня порой поровну как начатого, так и завершенного. В этом заключается специфика моих собственных проектов.

Ю.М.: *Ольга Николаевна! Ну, как-то складно всё у Вас получается. Жизнь – череда или вереница событий, наполненных ценностями и смыслом, направляемых целями. Но ведь можно в них утонуть или «скользить по поверхности», не погружаясь глубоко ни в одно из дел. Может, себя Вы уже убедили, а вот меня пока нет. Нельзя все заранее предвидеть и сконструировать, даже учитывая фактор случайности. И Ваши суждения о самоорганизации меня также не убеждают. Та или иная последовательность Вашей жизни – это всего лишь результат определенной интерпретации. Вам так удобно или привычно думать о себе и своей жизни. На самом деле Вы, как и я, бежите от главного, утопая в мелочах и погружаясь в суету сует.*

О.Н.: У меня нет жесткого конструирования, а есть понимание общей архитектуры процесса. Умение «погружаться» в жизненные проблемы и достигать результатов, извините, зависит еще и от способностей, и от желания. Одному нужно просидеть над концепцией 10 дней, а другой мог бы за день все сделать, да лень. Вот поэтому, вероятно, мой собственный проект всегда незавершен. Что Вы имеете в виду под «главным»? Оно для каждого свое. И мечта у каждого своя, и путь к ней свой. Он несомненно иной, может быть длиннее, если ты открыт для других. Невозможно всем стать великими учеными или непревзойденными педагогами. Не изданными монографиями измеряется Человек. И еще. Интересно, что Вы имеете в виду, когда говорите об «удобстве» думать о себе и своей жизни? Да, немало людей пытается «встраиваться» во временные рамки моего дня, иногда, к сожалению, разрушая удерживаемую динамическую «композицию». Ну и что с этим поделаешь? Мы ведь связаны с самыми разными людьми, имеющими свой собственный организационный порядок (или по моим меркам, беспорядок), действия которых зачастую не поддаются никакому регулированию. Их представления о правах на нас не согласуются с нашей свободой и желаниями, временем и планами, поэтому их вторжение в наше пространство неминуемо как цунами. Мы с Вами выстроили вокруг себя коллективные социальные пространства: Вы – сложное сетевое, а я, как минимум, четыре разных по масштабам профессиональных «Мы-сообществ». Поэтому, признаюсь, порой бывает тяжело: как только я с большим удовольствием завершаю все свои намеченные дела и собираюсь отдохнуть, то тут же получаю очередное письмо-SOS со срочным делом (то есть с жестко обозначенной временной точкой, находящейся за пределами моего жизненного процесса). Это может и не иметь к моей научной работе прямого отношения, но зато касаться общественных обязанностей, к примеру, или носить характер личной просьбы. В таких случаях приходится проявлять выдержку и не уступать соблазну «махнуть на все рукой». Мне что, так «жить удобно» или так «думать о жизни удобно»? Не научилась быть жесткой, вряд ли уже когда-нибудь научусь проводить четкое различие между «своим» и «чужим», «полезным» и «бесполезным».

Ю.М.: *Возможно, это – плоды Вашей невероятной социальности и чрезвычайной адаптированности к социуму. Ведь проще находиться с ним в режиме взаимодействия «стимул – реакция». Да, признаю, что Ваша реакция на вызовы социального окружения оказывается весьма продуманной и нравственно взвешенной. Махнуть рукой на него Вы как социальное на 99% существо не можете, так как потеряете смысл происходящего. Я сомневаюсь в том, что можно вообще угнаться за уходящим поездом,*

который навязывает нам собственную логику развития и вынуждает участвовать в гонке за выживание, увеличивая или изменяя темп движения и усложняя задачи. Меня не покидает ощущение, что Вы, несмотря на свою рефлексивность и значительный жизненный опыт, по-прежнему, как и в молодые годы, играете роль «отличницы», которая должна всё успеть и при этом сделать это лучше других.

О.Н.: Да, синдром, вероятно, этот неистребим, Вы правы. Однако чтобы не было опять недопонимания, замечу, что «стимул – реакция» может быть понята в контексте нашей беседы как своего рода упрощение. А не хотелось бы. Поскольку в окружающей нас жизни достаточно черствости и эгоизма. А вот за поездом, согласна, бежать не стоит, тем более, что определенный Вами во мне процент социального вряд ли звучит как комплимент. Я себя, конечно, иначе ощущаю, но переубеждать Вас не стану, лучше поделюсь мыслями о том, как складывались мои привычки по организации времени. Помните, я как-то Вам рассказывала о своих самых разных увлечениях в школьные годы? Успевала посещать множество творческих и научных кружков, закончить музыкальную школу, получить спортивный разряд, брать книжки сразу в трех библиотеках (потому что давали всего по две, а читалось очень быстро и легко) и пр. Потом, начиная с 16 лет, я уже совмещала учебу на очном отделении музыкального училища с преподавательской работой (плюс добавьте сюда постоянные посещения концертов и театров, собственные выступления – как обязательная часть обучения), личные увлечения, наконец. В студенческие годы к этому добавилась интересная комсомольская жизнь, еще и лекторская деятельность в филармонии, оперном театре. Затем – семья, рождение дочери и ее всестороннее воспитание (с 4 летнего возраста я водила ее в художественно-эстетическую школу, затем – музыкальную и спортивную). В это же время появился серьезный интерес к научной работе, началась вузовская работа с дипломниками, прибавились программы по радио и телевидению, регулярно стала поддерживать рубрику «Художественная жизнь и критика» в республиканской прессе. Год от года дел становилось все больше и больше, а времени – меньше и меньше. Поэтому «стимул к действию» – всегда во мне самой, и реакция на «вызовы среды» – осмысленная и спонтанная одновременно, но это абсолютно иное, чем суэта. Быстро – не значит поверхностно. Заметьте, у кого-то в жизни нет ни стимулов, ни реакций. Так, живет сам для себя, свободный и беспечный человек. Или, напротив, весь погруженный в переживания *значимости своего предназначения*, не замечая никого и ничего вокруг себя. Извините, что не смогла сдержать эмоции и так бурноотреагировала на Ваше «метафорическое» замечание.

Новый опыт отношения ко времени я получила уже в зрелом возрасте через включение в научную проектную деятельность. Для меня понятие «проект» имеет очень глубокий смысл, поскольку за ним стоит процесс формирования моих референтных групп – «Мы-сообществ». Два проекта, «длинною в жизнь», связаны с моими научными интересами. Первый разворачивается как сложный нелинейный процесс концептуализации синергетических идей и разработки методологии постнеклассической науки в социально-гуманитарном знании. Он берет свое начало с 1995 года – от первого научно-методологического семинара по синергетике в РАГС и продолжается в модифицированном виде в совместных мероприятиях российско-украинского проектного коллектива по постнеклассическим практикам. Второй – концентрирует внимание прежде всего на исследовании теоретических и прикладных аспектов культуры и культурной политики и разворачивается с 2003 года тоже в стенах

моего вуза. Но и в первом, и во втором случае число участников колеблется, а члены «Мы-сообществ» интегрированы в коллектив на основе научных интересов и общих ценностно-смысловых оснований. Рациональные усилия на первой стадии их формирования были в меньшей степени важны, чем тогда, когда включились механизмы самоорганизации, потребовавшие использования менеджерских ресурсов, умения организовать деятельность коллективов на эффективное выполнение конкретной и, как правило, сложной задачи в определенный период времени. Здесь мое индивидуальное важно только с точки зрения наличия лидерских качеств, убедительности и коммуникабельности, умения создавать команду и работать в ней.

Поэтому исследовательские и издательские проекты по грантам РГНФ, проекты и экспертные заключения по заказу официальных органов власти, проведение конференций по линии ЮНЕСКО и пр. стали для меня не только проверкой на «стрессоустойчивость», но и показателем научно-организаторской работы (в целом, проведено около 100 мероприятий совместно с разными партнерами). Фактор времени в этой сфере деятельности зачастую выступает как один из стратегических ресурсов. Когда же работа в проекте совмещается с преподавательскими и общественными обязанностями, то поневоле начинаешь ценить каждую минуту.

Ю.М.: Наконец-то, Вы нашли название собственной модели жизни, определяемой социумом на 80%, если не больше, процентов. Это — проектная деятельность в науке и образовании. И возможно потому, что эта деятельность задается извне, то так формально звучит ее описание (гранты, эффективное выполнение задачи и пр.). Честно говоря, я вижу в этом лишь признаки отрефлексированной деятельности преуспевающего менеджера, рационально действующего по заданной обществом схеме. Чтобы не обидеть Вас, замечу, что сказанное в полной мере относится и ко мне. Вы, как и я, в совершенстве овладели искусством работы в Системе и научились использовать ее ресурсы. Но Вы остаетесь человеком Системы. И Ваше отличие от других системных индивидов заключается лишь в том, что Вы, будучи не в состоянии изменить большой мир, создаете собственные или расширяете старые коридоры системной организации малого социума.

О.Н.: Минуточку, Вы не услышали главного. Некоторые мои (как и Ваши) проекты, это, по существу, перспективные, динамично разворачивающиеся с нашим активным участием социальные пространства, которые точнее сравнить не с жесткими рамками системы, а с открытыми жизненными стратегиями. Да, в средних социальных коллективах есть свои ограничения, но ведь есть пространство свободы и творчества. Работа же в научных грантовых проектах ограничена, как правило, одним-двумя годами, причем, коллектив может собираться под тему и под изучение проблемы. Сложится ли из него «Мы-сообщество» никому не известно.

Теперь относительно Вашего «процентирования» социального во мне. Позвольте еще раз подчеркнуть, что для меня становление личностного, индивидуального во мне очень тесно связано с процессом взаимодействия с другими людьми. Самосознание личности, в этом меня трудно переубедить, происходит как *открытие самого себя через Другого*. Цельность индивида и целостность личности достигаются, на мой взгляд, именно в неразрывном единстве индивидуального и социального, из которого и складывается уникальность каждого. Уникальность же проявляется и в том, как лично каждый решается вопрос *необходимости и свободы*. Точно так же, как существуют границы индивидуального, так и объективны границы социального.

И конфликт неизбежен. И кто определит в процентах социальность другого (99% или 80%?), кроме самого человека? Вопрос о том, сколько мы отдаем и сколько готовы передать людям, а сколько остается нам и сколько возвращается нам теми же людьми, тоже знает, наверное, только сам человек.

Поэтому в силу большой занятости у меня выработалась привычка удерживать в памяти сетку-расписание своих дел, при этом обязательно иметь страничку-памятку с заметками на день, на неделю и на месяц (никаких блокнотов у меня не водится — нет претензий на вечность записи). На каждой из них перечислены дела, которые чаще всего записываются вместе с именами людей, связанных с ними. Скажем, так: «Редактура — Юра», «Экспертиза — Паша, Лариса». Отдельная, самая большая по объему, запись — «позвонить» сопровождается рядом имен.

Истинное наслаждение я испытываю вечером, когда усталая зрительно пробегаю по этим «памяткам». Если вдруг что-то ненароком упустила, то по электронной почте быстро решаю вопрос. Иногда достаточно парочки добрых советов. Вообще, моя повседневная жизнь — это постоянное общение с людьми. Однако это общение всегда наполнено смыслами — деловыми или личностными. Возможно, поэтому я не сторонник «общения» в социальных сетях. «Щебетать» в Твиттере мне тоже некогда, хотя дело это, надо полагать, бывает иногда и полезным. Абсолютно согласна с тем, что новые технологии изменяют наш мир, делают его более комфортным. Однако меня несколько настораживает тот факт, как те шесть миллионов россиян осваивают виртуальный мир, используя разные сети. Для кого-то это, действительно, возможность скорейшего решения проблем (знаю о примерах взаимопомощи, поддержки, добровольчества и пр.). Но ведь мы уже на первом месте в мире по масштабам распространения социальных сетей, и, как показали проведенные нами социологические исследования, все остальные досуговые формы, в том числе общение в социальных локусах, все меньше и меньше интересуют молодежь нашей страны. Если кто-то думает, что расширяется сфера индивидуальных интересов, то это тоже не так.

Тенденция «одомашнивания» досуга — это не только показатель снижения культурных потребностей и интересов, это — показатель снижения социальной мобильности и активности. Добавьте сюда отсутствие свободного времени и материальных средств для художественного и эстетического образования и станет понятным, почему для меня личностное общение со студентами и аспирантами по важности стоят в одном ряду коммуникаций с коллегами. Здесь бы я рискнула говорить о духовной и нравственной миссии преподавателя, а проблеме снижения общей культуры населения нашей страны — отнести к проблемам национальной безопасности и будущего России. Пафосно, но оглянитесь по сторонам...

Электронную почту использую активно, в то время как «кликать» меня в социальных сетях бесполезно: пока все мои друзья — в открытых коммуникациях. На самом деле, это позволяет мне решать очень важную задачу — ограничить безмерно увеличивающийся круг общения. Ведь хочется оставить время и для моих близких, и для друзей. Мне очень важна эмпатийность и эмоциональность в общении с ними. Они составляют мой тыл. Мне не нужно использовать в этом случае никакие «записочки-памятки», поскольку я всегда помню и чувствую их; точно знаю, кому и что из них я должна и, главное, что могу сделать. Это тоже результат социализации, в процессе которой, помимо постижения всех норм, паттернов и пр., мы учимся удерживать в памяти все, что касается семейных дел, родных, близких друзей, развиваем

способности социального взаимодействия, доверия, ответственности. Я осознаю, что уровень ответственности у меня завышен (отсюда и превалирование социального), и именно поэтому не могу, к примеру, перенести выполнение какого-то своего обещания или обязательства на более поздние сроки. Хорошо, что, как правило, это все-таки случается крайне редко.

Ю.М.: Я мог бы Вам доказать, что Ваше организованное общение с коллегами и учениками имеет столь же виртуальный характер, как и общение в социальной сети. Как и в сети, Вы можете сохранять свою анонимность, слыть или быть кем угодно. Поэтому сеть не нужна, ведь матрица находится внутри нас, а при помощи рабочих дневников мы только ее усовершенствуем. Преимущество же сети по сравнению с Вашим способом организации времени заключается в ее открытом и непосредственном характере, отсутствии всяких барьеров.

О.Н.: К сожалению, отсутствием барьеров в сети пользуются по-разному. На мой взгляд, «открытость и непосредственность» демонстрируют нам не всегда лучшие образцы проявления «свободы» в виртуальном пространстве. Иногда и впрямь хочется поверить, что будущее у человечества только одно – «назад к природе». Кроме того, я поддерживаю возможность создания сетевых сообществ, научных форумов, развлекательных площадок. Меня другое настораживает. Свыше трех часов ежедневно «гуляет» по сети около 40% молодежи (помните, «вошел в Сеть на пять минут и не заметил как потерял три часа, зато было интересно?»). Так кто же более несвободен и более виртуален в своих действиях? Таким образом, вполне реальная для меня повседневность не исключает виртуальных сюжетов (живем-то в виртуальном мире массмедиа, сетевых коммуникаций, виртуальных финансов и пр.), но наполнена она все-таки и разнонаправленной конкретной деятельностью, что и помогает мне быть самой собой. Встраивая intersubъективные (по своим истокам) и в то же время достигаемые в сотрудничестве с другими людьми результаты в совокупную взаимосвязь повседневной практики и повседневных коммуникаций [2, 19], я постоянно нахожусь в ситуации этического выбора. Он осуществляется почти мгновенно в пользу ответственности и направленности на *со-участие*. Модный сегодня «коммерческий императив» для меня вторичен, и я знаю, что это несовременно и где-то даже неправильно. Но не обвиняйте меня в консерватизме.

Я прекрасно понимаю тех людей, которые уже «без оплаты не работают», но очень странно они выглядят, когда просят меня помочь им бескорыстно. Мне даже как-то неловко за них. Используя мое время, они не оценивают мою работу в материальном эквиваленте. Почему? Потому что, надо полагать, даже не догадываются, что «категорические императивы» И. Канта не утратили своего сущностного значения. Для тех, кто «приобрел лоск», стал успешным и процветающим научным работником, педагогом, чиновником и пр., «коммерческий императив» выступает помехой, так как подрывает основания для нашего взаимодействия. На моих глазах происходило буквально перерождение таких людей, но время, как правило, разводит меня с ними. Общение утрачивает свои перспективы и какие-либо смыслы для обеих сторон.

Ю.М.: Вот с этим я полностью согласен. Коммерческий императив как стратегия взаимодействия «не работает» в отношениях с коллегами и учениками. Но вполне возможно его применять в отношениях с организациями, которые нас нанимают на работу.

Теперь я хочу усложнить содержание нашего диалога и для описания инвариантов повседневной жизни предлагаю воспользоваться схемой известного американского социолога И. Гофмана, в которой он употребляет термины «передний план», «задний план», «закулисная зона», «буферная зона» и др. (см. прим. 1).

Начну по порядку. Ольга Николаевна! Как известно, передний фронт — место или пространство, в котором мы исполняем главную роль (или роли). Конечно, можно предположить, что таких фронтов или планов может быть несколько, а соответственно и несколько главных ролей. Но это бывает крайне редко. Что Вы считаете передним фронтом в своей жизни — новый Центр в РАГС, который будет образован, или что-то другое? Куда уходят Ваши основные силы и энергия? Или, может быть, Вы считаете, что Ваши главные роли еще впереди?

О.Н.: Мне очень нравится Ваше последнее предположение относительно будущего. Весьма оптимистично поставлен вопрос: он воспринимается мною как «превентивное переживание светлого будущего». В такой перспективе жизнь представляется бесконечной и радужной, а образ будущего — как завершение некоего запланированного и исключительно позитивного процесса. Но в реальности, каждый знает это по своему опыту, все гораздо сложнее. Мы почти всегда не учитываем случайностей, когда протягиваем воображаемую траекторию нашей жизни к какой-то цели. И напрасно. Осознание того, что не всё имеет причинно-следственные связи, пришло ко мне давно. Поэтому все свои силы и энергию я решила направлять на жизнь в настоящем, при этом, понимая, что вернуться в прошлое мне не дано (а значит, и исправить ошибки не будет возможности), стараюсь выбирать решение как можно точнее. И потому можно сказать, что мои действия, несомненно, направлены в будущее. В этом смысле «социальная потенциальность» получения главных ролей вполне вероятно. Но в этом ли суть продвижения?!

Ю.М.: Я что-то Вас не пойму: то Вы живете в настоящем, то стремитесь в будущее. Вы уж определитесь, пожалуйста, со своей потенциальностью. Конечно, в своем настоящем Вы готовите наступление будущего. Но приоритеты остаются прежними. И если Ваша точка отсчета есть настоящее, то прошлое или будущее представляются его векторами или модусами, а не площадками, на которых Вы конструируете свои события.

О.Н.: Я же определилась, уточняю. Цепочка от прошлого к будущему неразрывна: целеполагание всегда присутствует как взгляд в будущее, а качество его достижения обеспечивается интенсивностью моего настоящего.

Теперь о «переднем плане», то есть о позиционировании себя в обществе и о практиках предъявления, иначе — об «авторском стиле». Обратили ли внимание, что я намеренно избегаю проявления каких бы то ни было крайностей — и во внешнем виде, и в манере общения с людьми, и в своем деловом стиле? Потому что индивидуальный стиль, на мой взгляд, складывается только в результате гармонизации всех этих внешних (и очень многих, незримых других) составляющих. Несомненно, что-то мне удастся, а что-то требует совершенствования. Однако точно скажу, что я не воспринимаю свою жизнь как борьбу за свою индивидуальность. А всякого рода «закулисы» мне вообще не по душе.

Ю.М.: Ольга Николаевна! А с чего Вы взяли, что закулисы или закулисная зона есть обязательный признак (атрибут) борьбы? Это всего лишь «место встречи» в Вашем жизненном пространстве, куда Вы допускаете самых близких и доверенных лиц и

которое изменить нельзя. Оно всегда есть. Или Вы можете себе представить, что Ваша жизнь — это сплошной передний план? В ситуации противоборства этих двух планов нет места для отступления, накопления и перегруппировки сил. Я убежден, что каждому, даже самому сильному человеку необходимо время и место, где можно «почистить перышки» или «поплакаться в жилетку».

О.Н.: Смысл «закулисья» в такой трактовке мне понятен, и «почистить перышки», как у каждого из нас, есть где. Но само слово «закулисье» наделено множеством коннотаций, причем не только эмоционально позитивных. Скажем, пространство доверия может, конечно, именоваться «закулисьем» в теоретических концепциях, но в нашем диалоге мне хотелось бы использовать его в иной трактовке.

Как правило, я открыта для партнерства и взаимодействия, понятие дружбы мною трактуется очень широко — в нем заключено множество оттенков. Вижу я и неискренность; вижу, как пытаются использовать меня для решения своих задач. Очень неприятно это осознать, поэтому стараюсь как можно реже общаться с такими людьми, ограждать от них близких мне друзей. Не всех, но все-таки лицемеров и приспособленцев можно распознать. И не только благодаря природным способностям, но и социальному опыту, и «неявному знанию».

Возвращаясь к вопросу о моем профессиональном самоопределении, не думаю, что наступило время рассказывать об этом новом для меня проекте — научно-образовательном центре, который планируется открыть в новой — интегрированной структуре — Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Поймите меня правильно, еще со времени моего пребывания в аспирантуре, в академии уже трижды происходили серьезные структурные реорганизации. Но подобно нынешней не было никогда. Поэтому педагогический коллектив переживает непростой период, ведь становление всегда предполагает серьезные изменения. В том числе и открывает перспективы развития. Особенно по части продвижения идей, связанных с моими научными интересами. Хотелось бы продолжить линию, начатую в научно-методологическом семинаре «Культура и культурная политика», где всегда присутствовала тема социокультурных изменений, гражданского общества и демократии. Сегодня проблематика социальных коммуникаций перемещается в центр моих интересов, и тема культурной политики современной России получит, как я себе представляю, новые развороты. Кстати, надеюсь и на Вашу помощь, помня о Вашем интересе к проблематике гражданского общества.

Ю.М.: *И все-таки Вы ушли от ответа и я не совсем понял, как Вы организуете свой передний план, отказываясь от закулисной зоны. Наверное, Вы предпочитаете быть всегда и у всех на виду, что делает Вашу частную сферу совершенно невидимой и непрозрачной.*

Теперь рассмотрим еще один контекст повседневности — «задний план». Конечно, Вас трудно представить на заднем плане, то есть в качестве слушателя, наблюдателя или пассивного участника. Но у каждого человека есть свой задний план, где он не является основным игроком, а выполняет предписанные ему роли. Нельзя везде играть главную роль и быть всегда на виду. Такое бывает только в кино.

Ольга Николаевна! Что же выступает для Вас задним планом? Насколько Вам подходят роли второго плана?

О.Н.: В театральной драматургии (на мой взгляд, в ней больше аналогий с человеческой жизнью) героям второго плана придается не меньшее значение, чем глав-

ным. Более того, очень часто они бывают яркими и запоминающимися. Что может быть выразительнее молчания человека, которого привыкли видеть выступающим?

Я бы вообще по-другому поставила вопрос — не о первых и вторых планах, а о свободном пространстве для творчества и инициативы (на первом или на втором плане, иногда не суть важно), о возможностях выхода за пределы привычного и ожидаемого от тебя со стороны окружающих. Моя жизнь, как и многих других, — это не прямой путь восхождения к некоей абстрактной, но заданной когда-то себе точке-вершине, и не легкое скольжение по поверхности, а динамичное продвижение по сложному ландшафту с пересеченным рельефом, с преодолением каких-то преград, встречающихся на моем пути. Были и роли разные, и препятствия возникали не по моему велению.

Ю.М.: И что же мешает Вам принять предложенную мной схему диалога? Страх потерять или желание сохранить лицо? Ну и продвигайтесь себе на здоровье по пересеченной местности, преодолевайте Вами же созданные преграды. Возможности «выхода за пределы привычного и ожидаемого от тебя со стороны окружающих» открываются тем, кто научился структурировать свое жизненное пространство, а не сваливать всё в одну кучу. Извините за несколько оскорбительный пафос. Он не относится к Вам лично, а связан с характерными для меня приемами ведения полемиками. Нельзя, например, заниматься творчеством у всех на виду. Это — интимный процесс, требующий уединения и затворничества. Вот для этого и необходимы закулисная зона и задний план. Ну если Вам не нравятся эти термины, то можете предложить свои.

О.Н.: Я не совсем поняла, почему Вы так разволновались? Разве в нашем диалоге мы движемся не по Вашему сценарию? Единственное, чего очень хотелось бы, чтобы в полемическом задоре мы все-таки не смешивали ради «полемичности стиля» разные вопросы, более того — делали резкие обобщения. Терминов я изобретать тоже не буду — концепция И.Гофмана, и Ваша трактовка как общая схема методологически безупречны. Но не все индивидуальное туда встраивается. На мой взгляд, творческим можно быть и на первых ролях, и на вторых. Творческим может быть даже подход к раскрытию давно известной темы на лекции. Если же речь идет о вторых ролях, то в это случае многое зависит от соответствия того, кто играет первую. Я с удовольствием могу планы менять, если такое решение принимаю лично я. Однако наша социальная свобода ограничена. И над большинством из нас всегда есть начальник. Мне повезло, поскольку за редким исключением моими руководителями были достойные фигуры, у которых я набиралась опыта и которые давали мне возможность творческой самореализации. Но, конечно, встречались и «бюрократы», и «самодуры», случайно получившие должности и статусы. Рано или поздно они обнаруживали свою несостоятельность, но препятствия создавали, скрывать не буду.

Впрочем, в силу оптимизма и здравого смысла, которые подсказывали мне, что воспринимать как *непреодолимое препятствие* и какую выбрать дистанцию для решения той или иной жизненной проблемы, а возможно, и вообще не обращать внимания на возникающие «неудобства», мне, кажется, удалось приоткрыть для себя смысл человеческого существования. Он заключается в том, что *моя удовлетворенность жизнью зависит от того, насколько я внутренне свободна от бытующих стереотипов и от чужой воли и власти на каждом из уровней социального бытия*. Нет, не свободна от «оков» культуры, а свободна в культуре, получая возможность выбора индивидуального стиля поведения, имиджа, статусной позиции и того самого «пер-

вого» или «второго» плана без нарушения общей социальной композиции конкретного пространства. Легкость отношения к препятствиям и импульсы помощи, идущие от других людей, помогают мне преодолевать неопределенность социальных перспектив. При этом я ухожу от жесткой стратегии проецирования себя в будущем (альтернативы социальные – это *ничто* по сравнению с альтернативой *жизнь-смерть*), но все-таки удерживаю собственный взгляд «со стороны» как нравственную оценку моих поступков.

А умение осуществить выбор роли («роль всегда найдет своего актера») – это очень сложная, внутренне сложная работа. Деликатно отойти на второй план и проявить себя достойно, на мой взгляд, гораздо честнее, чем, растолкав всех впереди стоящих, заручившись поддержкой начальства и «подпорками», обнаружить всему сообществу свою беспомощность и непрофессиональность.

Поэтому, Юрий Михайлович, мне приходилось бывать в разных ролях, но почти каждая из них была для меня любима – я ей отдавалась полностью, а если Вам не приходилось видеть меня на «вторых ролях», то это у Вас просто либо угол зрения такой, либо оптика такая. Кто-то видит окружающее иначе. И Вы это знаете. Более того, многими упускается из вида, что любое поверхностное суждение о человеке, с которым они лично не знакомы, но образ которого им кто-то нарисовал, во сто крат ответственнее, чем слова о близком человеке, сказанные с любовью. Нам с Вами проще оценивать друг друга: мы включены в общее пространство коммуникаций, которое еще и сами формируем, устраняя неизбежно возникающие напряжения. В нашем журнале у Вас роль несомненно первая, и, как Вы видите, я не разрушаю установленных Вами правил, вполне комфортно ощущая себя в качестве «ведомой». А ролей «ведущей» у меня, действительно, немало. Порой раздумываю, кому бы можно было без особых потерь для дела часть из них передать.

Ю.М.: Уж поверьте мне, Ольга Николаевна, что я об «этом» или о «том» не забываю. Но мне непонятен смысл человеческого существования, занавес над которым Вы слегка приоткрыли. Что значит быть внутренне свободным «от бытующих стереотипов и от чужой воли и власти на каждом из уровней социального бытия»? Что-то я ничего подобного не наблюдаю в нашей с Вами жизни. Достаточно посмотреть на наши графики поездок и конференций и станет ясно, что никакой «внутренней свободы» как перманентного состояния нет. Есть принятие необходимости, диктуемой предписанными нам или конструируемыми нами социальными ролями. Или у Вас всё происходит иначе? Да мы устанавливаем приоритет и последовательность исполнения наших дел. Но от этого наша зависимость от чужой или сконструированной нами системы не меняется. Мы не только «в ответе за тех, кого приручаем», но также за систему, которую мы выращиваем и культивируем внутри себя.

Прежде чем переходить к следующему фрагменту жизненного мира, хочу спросить Вас: каково место журнала «Личность. Культура. Общество» в композиции повседневности? Могу предположить, что в одних случаях он может оказаться на первом плане, в других – нет. Наверное, это относится к любому делу, которым мы занимаемся. Вопрос заключается лишь в том, что у Вас постоянно находится на первом плане.

О.Н.: Юрий Михайлович, не выйдет со мною жесткого определения планов, к сожалению, как бы Вы ни проявляли настойчивость. Для меня абсолютно все имеет огромную значимость и ценность. Одна сфера деятельности поддерживает другую,

другая – не может состояться без третьей и т.д. Главное многогранное: педагогика – наука – журнал – увлечения – встречи – общение – быт – все это элементы целостной композиции моей повседневности. Если бы Вы вопрос поставили по-другому: «Что в композиции прошедшего (дня, месяца, года) Вы вывели бы на передний план?», то, вероятно, получили бы более или менее конкретный ответ. А в предложенной постановке вопроса у меня к Вам сразу же встречный вопрос вместо ответа: «Вы хорошо представляете себе голографические картинки? Тогда ответьте, возможно ли в этой композиции выстроить иерархию (цветов, форм и т.д.)?» Практически невозможно.

Ю.М.: А, на мой взгляд, вполне возможно. Я могу видеть эти картинки в розовом или голубом цвете, а могу представлять как-то иначе. И цветовая гамма картинок является по преимуществу плодом моего воображения. Дело не в этом. Пример может быть не самый удачный. Хочу сказать, что не всё так примитивно у И. Гофмана и Ю. Резника с этими «планами» бытия человека. Их надо рассматривать в динамике и одновременно как разные, хотя и сосуществующие друг с другом, уровни композиции повседневной жизни. Еще раз повторяю: Вам не нравится этот образ или схема, используйте другие, аналогичные по смыслу. Для меня это всего лишь инструмент, помогающий организовать пространство коммуникации с Вами.

Ольга Николаевна! Вот почему в моем представлении Вы – человек системы, но системы автопоэтической, которая описывает и определяет себя и свои отношения с окружающим миром в собственных терминах. Здесь как раз и сказывается Ваша независимость от «бытующих стереотипов и чужой воли». Но я не навязываю Вам жесткий сценарий диалога, а предлагаю некоторые рабочие концепты.

О.Н.: Мне кажется, что мы почти услышали друг друга. Для меня целостность в динамике и есть характеристика повседневности, а теоретические концепты для познания, несомненно, полезны. Поэтому опять уступлю Вам и отвечу конкретно: в какое-то время (суток, месяцев, лет) приоритеты и главное дело, безусловно, отбирается. Но критерии отбора и значимость дел – очень разные. На первом месте могут быть и профессиональные цели, и личные цели, но, как правило, обязанности и ответственность корректируют собственные желания. Если все вместе еще и совпадает, то результат будет очень хороший. Если – нет, все равно буду стремиться к результату, ведь стараюсь выполнять все дела, за которые берусь. Но, признаюсь, от некоторых бесполезных процедур бюрократического толка (и такие приходится выполнять по обязанности) удовольствия получаю значительно меньше.

Пять лет назад я включилась в научное сообщество, выпускающее журнал «Личность. Культура. Общество». Для меня редакторская работа не была новой, но опыта работы в журнале не было. Это и стало моим третьим серьезным проектом. Специфика журнала состоит в особом формате, объединяющем одновременно креативную и обыденную работу; связанную с высочайшей степенью напряженности, задаваемой временными рамками и системностью. Выпуск номера – как конкретный результат работы большого коллектива, а не только чья-то личная заслуга – доставляет мне радость. И это покрывает все физические, моральные и материальные издержки, которые мы с Вами испытываем, пока эта радость не станет реально осязаемой.

Выпуск журнала (а у меня теперь уже два журнала) пока не стал для меня совсем привычным и рутинным делом. Возможно потому, что я не журналист по профессии и таковым себя не ощущаю. Для меня журнал – это система научных коммуника-

ций, особая среда для общения с интересными людьми (не только членами редколлегии, но и авторами текстов). Об этом я уже рассказывала [1].

Однако, согласитесь, журнал – это прежде всего *Ваш жизненный проект*, который Вы вместе со своими коллегами создавали в течение длительного времени. Все остальные члены редколлегии, в том числе и я, включались в совместную работу, когда его *концепция уже сложилась*. Каждый новый член искренен был в своем желании привнести в журнал частичку собственной индивидуальности – кто-то больше, кто-то меньше. Но я точно знаю, что никто не сможет полностью заменить Вас. Даже если когда-то журнал возглавит неординарная личность, он долго будет ассоциироваться с Вашим именем. Так и должно быть. Позволю себе пафосное и, надеюсь, лестное сравнение: за «Новым миром» и поныне стоит имя Твардовского, а за нашим «ЛКО» – прежде всего Ваше. Впечатляет? Люди в редколлегии сменяют друг друга, но только те, кто стоял у истоков журнала (к сожалению, некоторые уже ушли из жизни) преданы ему более всех. Преданность нельзя навязать или измерить. Она формируется постепенно и ее можно оценить через качество реальных дел, прочувствовать в совместной деятельности. Из этого следует вывод, с которым, надеюсь, согласитесь и Вы: всегда хочется еще большего от людей, которым ты доверяешь свое любимое дитя.

А если еще и с юмором отнестись к процессу подготовки очередного номера, то получается, что каждый раз возникает странное ощущение бега с препятствиями к финишу, который оказывается лишь очередным шлагбаумом...

Ю.М.: Вы – мудрая женщина и заняли ту позицию в редакции, которую сочли для себя возможной. Вы правильно сказали, что журнал – мой жизненный проект. Но им он стал не только благодаря мне, но и иногда вопреки моим желаниям. Конечно, я не хочу представлять ситуацию так, что журнал – это мой рок. Но это коллективный проект, осуществляемый зачастую независимо от меня. И пока он не станет Вашим проектом, нельзя идти дальше. Это дитя выросло, и требует все больше и больше энергии и внимания к себе. Я верчусь, как белка, а ему меня одного уже мало. Он тягивает в свой круг других людей. Преодолеваешь одно препятствие, появляется новое. И так до бесконечности. Так что не только во мне дело, но и в эгерере журнала, который меня не отпускает. Вы еще не ощутили себя его частью, поэтому можете рассуждать отвлеченно. Но у Вас, как и у любого человека, есть свои зависимости.

И это ощущение бега с препятствиями не покидает меня многие годы, хотя я отношусь к изданию журнала как процессу самосовершенствования, в котором раскрываются и реализуются некоторые жизненные смыслы. В отличие от Вас у меня нет других журналов и мое время целиком поглощается одним детищем. И я не могу сказать себе, что это – один из моих проектов, поскольку я отдаю ему практически все свои силы и время. В этом смысле я – однолюб. Вы же любите многое и многих (в смысле дел и проектов), предпочитая выступать на разных площадках и сохранять при этом личностную или социальную автономию. Поэтому мой передний план определен. В самом его центре находится ЛКО, а на заднем плане – другие проекты и дела. Поймите, это не упрек в Ваш адрес, а констатация ситуации.

Ваша система сконструирована из фрагментов других систем, служению которым Вы, так мне кажется, не предаетесь полностью и до конца. Ни в одной из них Вы не присутствуете в режиме полного погружения. Поэтому у меня иногда возникает ощущение Вашего «легкого скольжения по поверхности». Но Вы – очень добросовест-

ный и ответственный человек. И у меня есть надежда, что дойдет черед и у Вас до конкретного проекта, который станет для вас единственным и самым значимым в жизни.

Несмотря на Ваше легкое сопротивление моей схеме, я продолжу разговор о «планах жизни». Давайте поговорим о «буферной зоне», располагающейся между передним и задним планами нашего жизненного пространства. Ее можно описать при помощи категории социальной дистанции. Буферная зона может быть зоной отчуждения, в которой участники находятся друг от друга на максимальной дистанции и между ними царит атмосфера недоверия. В других ситуациях дистанция между людьми может сокращаться, а отношения становятся более открытыми, тесными и доверительными.

Ольга Николаевна! Насколько Вам удастся удерживать дистанцию с людьми, которые, мягко говоря, настроены к Вам недоброжелательно? Кого Вы считаете своей оппозицией в жизненном плане? Существует мнение, что у гибкого и дипломатичного человека, каковым Вы, безусловно, являетесь, практически не существует открытых врагов. Так ли это на самом деле? Есть ли у Вас свои методы работы с противниками и врагами?

О.Н.: Юрий Михайлович, наше обращение к таким понятиям, как вера и доверие, противники и пр., придает нашим рассуждениям подчеркнуто субъективный, психологический характер. Я не рассматриваю людей как своих противников и врагов. Если кто-то становится в оппозицию ко мне, то с такими людьми я тем более не вступаю ни в какие выяснения отношений.

Ю.М.: Может быть Вы их не рассматриваете, но они от этого не перестают существовать. Возможно, они даны нам для самосовершенствования. Можно, конечно, их не замечать или делать вид, что они другие, отличные от нас. Но от этого вряд ли ситуация изменится. Вам приходится с ними иметь дело, преодолевать их непонимание, отчуждение, а иногда и откровенную агрессию.

О.Н.: Моя стратегия – это стратегия согласия и поиска пространства общих интересов, причем с передачей права (инициативы) прочерчивать «границы» тому человеку, который и начал выстраивать баррикады. Стараюсь не маркировать их сама. На мой взгляд, нужно иметь в виду, что в обществе стало много людей с ослабленной психикой или просто с низким уровнем культуры. Поэтому как только я вижу проявления агрессии и демонстрацию своей «гениальности» или более «высокой» статусной позиции (по крайней мере, ясно, что человек в этом убежден), то сразу «перенастраиваюсь» на сочувствие к нему и стараюсь погасить агрессию. О чем я думаю в эти минуты? Я уступаю ему в его претензиях на главные роли в социальном пространстве, но не саму роль. Тебе хочется казаться первым? Пожалуйста. Я чем-то мешаю реализовать твои интересы? Пожалуйста, выражай их, я не буду мешать. Что в итоге дает нам обоим такое поведение? Оно позволяет не доводить ситуацию до состояния борьбы и открытого конфликта.

Конечно, меня такие ситуации очень отвлекают от серьезных дел, поскольку требуют отдачи энергии и больших затрат эмоциональных ресурсов. Трудно сохранять спокойствие и не повышать голоса на человека, который порой демонстрирует откровенно хамское поведение. Иногда даже приходится просто выразить удивление вместо того, чтобы грубоотреагировать на чье-то поведение. Это – тоже рационально выработанная практика. Но такой стиль поведения касается только ситуа-

ций, связанных лично со мной: я могу даже извиниться перед человеком, которому показалось, что я его обидела (допускаю, что интонация иногда может спровоцировать неадекватную реакцию).

На мой взгляд, для каждого человека важна не только его статусная и ролевая позиция, но еще в большей степени – его внутреннее экзистенциальное отношение к происходящему, к пониманию самого себя как принятие отношения к его внутреннему «Я» другими людьми.

Ю.М.: Ольга Николаевна! Дистанцию между людьми никто не отменял. Я полагаю, что Вам дистанция нужна как воздух, хотя ее наличие Вы будете отрицать. Вы не подпускаете к себе чужих людей на близкое расстояние, предпочитая общаться с ними по телефону или в пространстве коридоров и лестничных проёмов. Так проще сохранить свое собственное пространство и не допустить вторжения в него других, чуждых Вам по духу людей. Разумеется, на Ваших друзей такая тактика не распространяется.

О.Н.: Вот Вы и разглядели в моих поведенческих практиках сужение социального пространства. Давайте еще сделаем шаг навстречу пониманию, попробуем глубже разобраться в моем поведении, поищем вместе истоки толерантности, которую Вы разглядели. Это тема близка Вашим научным интересам, Юрий Михайлович, а для меня – она загадка. Когда мы работали нашим отделом над темой идентичности (см. прим. 2), особенно над концептом «множественной идентичности», то я себя сразу ощутила человеком, наделенным этим свойством. Причем не потому, что смогла в процессе личностного становления «суммировать» идентичности, предъявляемые в той или иной ситуации, а потому, что почувствовала саму возможность обладания когерентным стилем общения, открытым к бесконфликтному соединению разных типов мышления и понимания.

Отсюда, вероятно, – моя аналитическая стратегия в повседневной культуре, которая сложилась в силу восприятия мною с самого раннего возраста «множественности» ценностей разных культур как нормы (по родительской линии – русской, а по предкам – славянской культуры, с элементами украинской и казацкой культур, дополненной коммуникативными практиками восточной культуры). При этом, однако, почерпнув из традиционных пластов разных культур принцип «сглаживания противоречий», мне удалось включить в свою ментальность воспринятые от родителей архетипы русской культуры и полученные через систему образования приоритеты западного стиля мышления. Это явно проявляется в моих установках на ясность и определенность цели, корректирующих коммуникативные стратегии, усложненные ментальными установками. В такой синергичной матрице в отличие от маргинальных моделей есть своя динамичная устойчивость. Это, надо полагать, снижает вероятность фактора непредсказуемости в поступках и поведении, придает моим практикам коммуникации определенную стабильность.

Ю.М.: Ольга Николаевна! Вы не стали отвечать непосредственно на мой вопрос и обратились к теме межкультурного взаимодействия. И я рад тому, что Вы оказались такой гибкой, когерентной и толерантной в жизни и в общении с представителями других культур. Как Вам кажется, проблема установления или удержания дистанции с другими людьми для Вас не стоит так остро, поскольку Вы занимаете позицию преодоления социальных, культурных и прочих границ. Наверное, это и характеризует в первую очередь Ваш стиль общения. В силу своего биографического опыта Вы научились говорить с разными людьми на их языке, удерживая при этом в сфере внимания общие интересы.

Остается еще один сюжет для прояснения различных планов бытия. «Нейтральная зона» располагается на границе переднего плана и закулисы. Здесь легко замаскироваться под своего человека, втереться в доверие к человеку, а затем использовать конфиденциальную информацию. Поэтому важно научиться распознавать и улавливать малейшую опасность, исходящую от людей, стремящихся попасть в Ваш ближний круг.

Ольга Николаевна! Имея многолетний опыт работы с людьми, Вы научились распознавать тех, кто скрывает свое истинное лицо за личиной «друга», «приятельницы», «человека, который с Вами на короткой ноге», и пр., но на самом деле не является таковым. Насколько помогают Вам чутье и интуиция в повседневных ситуациях?

О.Н.: Человечество так хитро устроено, что не всем дано отличать «подлинное» от «мнимого». Мне кажется, то, что я получала высшее музыкально-педагогическое образование, — счастье, потому что меня многому научила музыка — звуки и тембры. Человек сам не замечает, как он «фальшивит», а наш слух это улавливает. Кроме того, в силу моей педагогической деятельности (в год через мои лекции и семинары проходит не менее тысячи человек) я получила богатый опыт работы с разными людьми. И это выработало другой тип «внутреннего слуха» — особую интуицию на «неправду». Когда вижу неискреннее поведение, то испытываю неловкость за человека, неумело изображающего доброе отношение и заинтересованность. К сожалению, принципы «общества спектакля» проникают во все сферы нашей действительности. Эта тема для обсуждения — не самая приятная.

Скажу кратко и самое главное: *не признаю предательства*. Очень переживаю, пытаюсь понять, почему же мы, люди, такие слабые. Последнее время сталкивалась с особым, современным типом предательства, основанного на исключении нравственности из параметров порядка культуры. А как еще можно оценить цинизм подобных заявлений: «Сменился наш лидер, ушел статусный человек, значит, пора и мне уходить на новое место. Проект закончился». Подтекст очевиден: человек в поисках выгоды просто стал «незрячим». С такими людьми я стараюсь больше никогда общих дел не вести, и от этого, представьте себе, им еще больше хочется раздвинуть «межу» между нами. Я рассматриваю это как попытки найти оправдание своему поступку. Поэтому с подобного рода персонажами больше не веду общих дел, и в этом случае моя стратегия достижения согласия — безнадежна. Она уже не поможет. Нужно просто расстаться и сказать себе: «Это не мой человек». К счастью, такие люди встречались мне редко. Оттого, вероятно, и запомнились.

Ю.М.: Ольга Николаевна! Вы несколько скорректировали свой ответ, подняв тему предательства. Жаль, что Вы не приняли мою схему и не оценили ее эвристических возможностей для объяснения различных контекстов повседневной жизни. Но это уже моя проблема. Мне не удалось Вас убедить или сделать хотя бы союзником. Поэтому мы разговариваем с Вами на разных языках и в лучшем случае об одном и том же.

В терминах драматургического подхода все выглядит проще или сложнее. Феномен предательства имеет отношение лишь к людям ближнего круга, которые встречаются в закулисной зоне. Не думаю, что те, о ком Вы говорили как о членах команды лидера, были искренними сторонниками или соратниками известного Вам руководителя. Скорее всего, они не входили в его ближний круг, находясь на периферии коммуникаций. И вряд ли к ним применимы параметры предательства, имеющие нравственную окраску. Это — обычная ситуация смены официального (формального) лидера, к которому они и

ранее не испытывали особых чувств и привязанностей. Их выбор можно понять и отчасти просчитать. Крысы всегда бегут с тонущего корабля. Альфа-лидеры вообще редко удерживают свое лидерство, если они окружены трусливыми омегами и рядом с ними нет сильных бета-лидеров, обладающих достоинствами консультантов или советников и не претендующих в силу своего стиля общения на полное и безоговорочное господство в команде.

Исключать таких людей из круга общения — это Ваше право. Тем более, что те, кто ориентируется только на сильного лидера и не готов вместе с ним разделить последствия его падения, всегда найдут ему замену, чтобы остаться на плаву. Как принято говорить в американских фильмах: «Это — бизнес. Нет ничего личного». Добавьте к этому столь распространенный сегодня «коммерческий императив» и всё или почти всё станет на свое место.

Что же касается сюжета фальши, проявляемой в общении с некоторыми людьми, то здесь я с Вами полностью согласен. Именно такие люди могут слыть «друзьями», втираться к нам в доверие, говорить не обязательные (и ни к чему не обязывающие) комплименты, чтобы затем, в самый неожиданный момент «выстрелить в спину». Я никогда не задавался вопросом: Зачем это им нужно? Причин, как всегда, больше, чем мы их себе представляем. Это — психологическая несовместимость, идейные и мировоззренческие разногласия, классовая неприязнь, неудовлетворенное или деформированное чувство уважения, жажда самоутверждения и многое, многое другое. В моем понимании нужно четко дифференцировать ближний круг (друзья и соратники) и «нейтральную зону», в которой как в мутной воде водятся разные рыбешки. И последних ни в коем случае нельзя подпускать к себе близко. Не заметите, как оторвут от Вас кусок плоти.

Так что необходимость в установлении дистанции с людьми и размежевании различных планов жизненного пространства существует. Я в этом убежден, Ольга Николаевна! И здесь недостаточно иметь только нравственные критерии оценки. Нужны также и социальные критерии, ведь вокруг нас постоянно происходит позиционная борьба. Кто-то пытается приблизиться к нам, а кто-то отдалиться от нас. Только равнодушные делают вид, что проходят мимо, не задерживая свое внимание на нашей персоне. Их то, как раз, следует опасаться больше других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н. Междисциплинарные горизонты нашего журнала // Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. I (53-54). С. 10-12.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

Примечание

1. Ю.М. Резник: Уточню значение этих понятий, используя интерпретацию основных положений концепции И. Гофмана.

«Личный передний» план или «фронтальный регион» — сценическая площадка или основная сфера деятельности, пространство взаимодействия, предназначенные для наблюдения со стороны. Каждый человек должен хорошо разбираться в декоративном оснащении «сцены» и вовремя корректировать свои действия в отношении других, чтобы представлять себя в более выгодном свете. Данный план включает внешний вид человека — материальное оформление и символическое подтверждение его статуса (определенная одежда, прическа, другие элементы внешности), а также манеры поведения, которые свидетельствуют о характере проигрываемых им ролей (в буквальном смысле — об исполнительском стиле).

«Задний» план (тыл, аудитория) — это место, предназначенное для просмотра действий человека, а также исполнения его планов. Он обозначается «внешними» символами — формальными целями и задачами, которые стоят перед ним как участником более широких проектов и схем действия.

Кроме авансены (переднего плана) и заднего плана Гофман выделяет *закулисную зону* социального представления, где происходят различного рода неформальные взаимодействия человека с близкими ему людьми (членами команды, семьи, дружеской компании и пр.). «Закулисная зона» — место, которое служит для подготовки и обсуждения решений человека среди наиболее близких ему людей, в т.ч. избранных членов команды. Она закрыта для широкой зрительской аудитории. Здесь сообщаются «личные секреты», предназначенные для «внутреннего» пользования конкретных индивидов. Как известно, Гофман выделяет целый набор таких «тайн» (сокровенные, стратегические, доверительные, внутренние, мнимые).

Передний (фронтальный) план и тыловые регионы связаны между собой «охраняемыми коридорами», что достигается путем заключения негласных соглашений между аудиторией и человеком (в т.ч. соглашений о непроницаемости границ между сценой и кулисами, которые всегда закрыты для посторонних), с одной стороны, между человеком и его референтной группой или командой (соглашение о непреодолимости границ между личным передним планом человека и фронтальным регионом, освоенным всей группой), с другой стороны. Поэтому для описания этих охраняемых коридоров в теории Гофмана используют еще два понятия — «буферная зона» и «нейтральная зона».

Буферная зона находится между «передним» и «задним» планами и призвана защищать человека от непосредственного вторжения посторонних людей, включая членов оппозиции, недоброжелателей. Однако, чтобы избежать ненужных для себя последствий, человеку недостаточно иметь надежную «буферную зону», ему следует также различать тех людей, которые маскируются под членов ближнего окружения, и тех, кто искренне помогает ему в исполнении решений. Если первые — это мнимые члены его ближнего круга, которые стремятся проникнуть в «тайны» закулисы, чтобы использовать их в собственных целях, то последние — настоящие последователи и соратники. Члены оппозиции могут по-другому представлять критерии эффективности деятельности в группе, чем сам человек, и, следовательно, занимать позицию, отличную от его позиции. Однако их объединяет с ним общее пространство взаимодействия и убежденность в необходимости сохранить целостность группы. Поэтому они вынуждены считаться с человеком, учитывая интересы группы и преобладающие в ней настроения.

«Нейтральная зона» располагается между «передним» планом и «закулисной зоной» жизненного пространства человека. В ней находятся люди, стремящиеся быть допущенными в «закулисы». Сюда же могут проникать и представители оппозиции, чтобы добыть «секреты» и выведать «тайны» человека, которые могут скомпрометировать или ослабить его позицию (см.: *Мень М.А.* Лидерство как социальный и личностный феномен: теоретико-методологические аспекты исследования. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 126-127).

2. *О.Н. Астафьева:* Речь идет о коллективе структурных подразделений Российского института культурологии — Отделе теоретической и прикладной культурологии, которым руководит Ю.М. Резник, будучи заместителем директора, и входящем в его состав секторе стратегий социокультурной политики, возглавляемом мною.